

Ю. В. Ващенко

ОСОБЕННОСТИ НЕКОТОРЫХ ДРЕВНЕГЕРМАНСКИХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

В статье речь идет о наиболее древних германских существительных, относящихся к склонению на -и. Показывается, что представленные слова играли активную роль в жизни древних германцев.

Ключевые слова: древние германцы, древнегерманское склонение на -и, анализ некоторых древнегерманских существительных *lagu, wudu, sciold, hairus, dauþus*.

Происхождение и разнообразие основообразующих суффиксов являются отражением древней именной классификации, характеризовавшей индоевропейские языки в период, предшествовавший оформлению системы склонения [1]. По мнению Л. П. Якубинского, «...в основе первоначального деления имен на деklinационные группы должен был лежать какой-то семантический принцип, какое-то содержание, формой выражения которого и были наши различные основы склонения» [2, 3].

Распределение всех существительных на определенное число групп в зависимости от того основообразующего форманта, которое данное существительное имело, являлось типологической особенностью древнегерманских языков [4]. Деление на основы представляло собой своеобразную попытку человеческого сознания расклассифицировать, объединить все существующее разнообразие предметов и явлений объективной реальности в более или менее ограниченное число групп на основании каких-то, иногда чисто внешних признаков. Например, в языках банту насчитывается от тринадцати до восемнадцати классов, куда входят абстрактные понятия, единичные, парные, множественные понятия, классы животных, людей, деревьев и т. д. [3]. Однако А. В. Десницкая отмечает, что даже в этих языках единый семантический принцип, характеризующий какую-либо группу, не всегда устанавливается достаточно четко [4].

Занимаясь исследованием причин отнесения того или иного существительного к определенному типу склонения, следует принимать во внимание следующие моменты, такие, например, как невозможность рассматривания идей или образов объекта первобытного человека, независимо от чувств, эмоций, страстей, которые вызывают эти идеи и образы или вызываются ими. Мышление древних людей отличается от нашего. Оно совершенно иначе ориентировано. Его процессы протекают абсолютно иным путем, то есть первобытные люди ничего не воспринимают так, как мы [5]. Леви-Брюль в своей работе «Сверхъестественное в первобытном мышлении» отмечает, что сознание древних людей являет собой очень сложное явление, а именно «то, что считается у нас собственно «представлением», смешано еще с другими элементами

эмоционального или волевого порядка, окрашено и пропитано ими, предполагая, таким образом, иную установку сознания в отношении представляемых объектов» [5]. Другими словами, реальность, среди которой живут и действуют первобытные люди, сама по себе мистическая. Ни одно существо, ни один предмет, ни одно явление природы не выступают в представлении первобытных людей тем, чем они кажутся нам. Поскольку для первобытного человека все существующее имеет мистические свойства и эти свойства по своей природе являются более важными, постольку различие живых существ и неодушевленных предметов представляет большой интерес именно для нас, для современных людей, но не для древних людей [5]. То есть многие явления природы, космические объекты, стихии, окружающие человека, воспринимались первобытными людьми как живые, наделенные волей, способные принимать участие в его жизни, в этом состоит одна из особенностей мышления древних людей. Приписывания живых свойств явлениям природы, вещам мы можем обнаружить в первую очередь в мифах и народных преданиях. А. К. Протасова отмечает, что «не только мифы и сказки, но и грамматические явления индоевропейских языков сохраняют информацию о том, какие явления и предметы древние считали живыми существами, а какие – вещами» [6].

Трудами таких известных ученых, как Г. А. Климова, В. В. Йоффе, И. М. Тронского, О. А. Осиповой и других, подтверждается, что в период общиндоевропейского состояния все существительные подразделялись на два основных класса: активные (те, которые воспринимались людьми как живые существа) и инактивные (те, которые воспринимались как вещи). То есть оппозиция по признаку активности-инактивности была преимущественно связана с более древней оппозицией существительных по признаку одушевленности-неодушевленности [6–10]. «В индоевропейском все, что движется, все, что действует, тем самым попадает под понятие «одушевленного»... Названия активных органов – одушевленные, как, например, нога... или рука (...так как она есть орган воспринимающий). Названия деревьев относятся к одушевленному роду...» [11]. Определенные грамматические при-

знаки служили маркерами одушевленности/неодушевленности. В древнегерманских языках на древнейшем этапе их существования таким признаком служили в первую очередь основообразующие суффиксы, которые проявлялись в парадигме склонения существительного [10]. Известно, что парадигма склонения сформировалась раньше у активных (одушевленных) имен [8].

В связи с исследованием древнегерманских существительных с основой на -u и их функциональных особенностей речь пойдет о представителях именного класса с основой на -u, а именно о древнегерманских существительных *lagu*, *wudu*, *hairus*, *scield*, *daufus*.

Попытки семантизировать основообразующие суффиксы предпринимались не раз¹. По мнению Э. Бенвениста, О. А. Осиповой, в оформлении семантических группировок существительных с основообразующим элементом -u-, видимо, первоначально принимал тот элемент -u-, который в индоевропейском языке проявлял себя как согласный [12]. В склонении существительных на консонантные основы в древнегерманских языках наблюдается концентрация существительных с одушевленной семантикой. Поэтому значение основообразующего элемента -u следует искать в семантике существительных [13]. А. В. Десницкая считает, что выдвинутое А. Кюни объяснение имен существительных на -u как категории парных предметов представляется вполне убедительным в отношении обозначений некоторых парных частей тела, действительно характеризующихся в ряде языков с помощью показателя -u: гот. *kinnus* «щека», *kniu* «колени», *handus* «рука», *forus* «нога»; др.-англ. *hand* «рука», *scinn* «щека». Но она также отмечает, что в применении к остальным типам существительных с основами на -u объяснения, выдвигаемые А. Кюни, представляются гораздо менее доказательными [4].

Древнегерманские основообразующие форманты были способны служить не только формативами определенных склонений, но также выполнять функцию маркеров одушевленности и, по всей вероятности древнего активного падежа, принадлежности и определенности [14]. Очень важным является тот факт, что активные имена составляли подавляющее большинство в склонениях на консонантные основы. Поэтому естественно предположить, что консонантные основы представляют собой остатки наиболее древнего склонения.

Во всех древнегерманских языках, кроме готского, существительные с основой на -u относятся к неиндуцирующему типу основ. Существи-

тельные с основой на -u в древнегерманских языках представляют собой немногочисленный класс. В древнеанглийском языке к числу существительных с основообразующим формантом -u- относятся все три рода [15]. Значительная часть существительных с основой на -u относится к мужскому роду.

На примере пяти древнегерманских существительных, а именно древнеанглийских *lagu*, *wudu*, *scield* и готских *hairus*, *daufus*, предпринимается попытка доказать неслучайную принадлежность данных существительных к склонению с основой на -u.

Формально данные существительные относятся к мужскому роду, а фактически представляют собой отголоски более раннего деления существительных на одушевленные/неодушевленные. Таким образом, за u-основами мы признаем маркировку не по родам, а по признаку одушевленности/неодушевленности.

Одним из доказательств принадлежности древнеанглийских существительных *lagu*, *wudu* к существительным с одушевленной семантикой может служить классификация Г. А. Климова. Согласно данной классификации существительные, обозначающие явления природы, являются одушевленными, соответственно *lagu* и *wudu* попадают под данную категорию.

Для того чтобы доказать одушевленную семантику существительных *lagu*, *wudu*, необходимо провести комплексный анализ древнеанглийских существительных склонения на -u, включающий этимологический, лексико-семантический и этнокультурный анализ.

Древнеанглийское существительное *lagu* имеет два значения: используется для обозначения моря и воды, а также носит название руны. Родственным древнеанглийскому *lagu* в готском языке было *lagus*; в древнесаксонском – *lagu*; в исландском – *lög*. Так же как и в приведенных данных родственных языках, оно имело два значения. Кроме воды, моря и названия руны оно означало жидкость. В древневерхненемецком *lagu* используется также для обозначения имени рунической буквы Γ , которое обозначало воду [16].

Древнеанглийское существительное *lagu* относилось к склонению на -u и, как уже отмечалось, имело два значения. Например, в древнеанглийском языке мы обнаруживаем нижеприведенные примеры. *Luft and lagu land umbclyppað gârsecg embegyr gumena gise*. Воздух и земля охватывают (обнимают) землю, океан окружает (опоясывает) королевство людей. *Lagu land gefeð luft wæs onhræd*. Море набросилось на землю, воздух был сотрясен. *Lagu lácende*. – Качающаяся вода. Кроме

¹ См. труды И. Фодора, К. Бругмана и др.

того, данное существительное lagu – это название руны ᚲ, которая и обозначает «воду» [17].

Употребление в древнеанглийских текстах существительного lagu «море, вода» с другими лексемами, а именно с глаголами, обозначающими активное действие (например, в значении «обнимать», «набрасываться», «сотрясать», «качаться»), дает нам возможность предположить, что данное существительное с основообразующим формантом -и принадлежало к одушевленному классу.

Для получения более полной картины необходимо также рассмотреть этнокультурные сведения.

Как известно, вода играет важную роль в жизни человека, ибо жизнь без воды просто невозможна. Обряды и обычаи, связанные с водой, уходят своими корнями в глубокую древность. Существовало много представлений о происхождении воды. Например, считали, что вода находилась на небе. По другим наблюдениям, вода появлялась на земле из подземных резервуаров, там по поверьям были «резиденции» духов и богов [18]. Отсюда почитание индоевропейцами и древними германцами источников рек, озер, морей и других водоемов, которым часто приносились в жертву животные и даже люди. [19]. Считали, что дно морей, озер, источников является местом обитания духов, которые могли быть по отношению к человеку добрыми или злыми [18].

Вода использовалась в приемах гадания у германских племен и других народов. Загрязнять воду источников считалось большим грехом, ибо источник, по мнению народа, – это глаз божий [18].

Известный этнограф Л. Я. Штернберг писал о культе воды: «...культ морей, озер, рек и источников пользуется необычайно широким распространением. Само собой разумеется, что и тут мы находим оба элемента психологии первобытного человека: и элемент аниматизации самого водного бассейна, и элемент анимизма, веры в духов, обитающих в том или другом водоеме или в водном пространстве» [18].

Кроме того, большую роль в мифологии играли боги – громовержцы, посылающие дождь, у древних германцев этим богом был Донор. Он считался творцом источников. Таким образом, мы видим, что источникам приписывалось божественное происхождение. Например, во время засухи, чтобы вызвать дождь, древние германцы при помощи магических манипуляций использовали повозку. Такую повозку приводили в движение, амфора сотрясалась, и вода из нее разбрызгивалась в разные стороны, имитируя дождь. Грохот повозки символизировал гром, эта символика продолжала жить в древнегерманской мифологии: считали, что раскаты грома означают грохот колесницы Донора, который едет по небу [18].

Согласно всему вышеперечисленному можно предположить, что вода играла важную роль в ритуально-культурной сфере. Так как вода была тесно связана с областью культа, существительное lagu маркируется основообразующим суффиксом -и-, который выступал в качестве показателя класса одушевленных имен.

Как уже отмечалось, второе значение существительного lagu – это имя рунической буквы. Данный факт очень интересен, так как руническое письмо у германцев было доступно только жрецам и служило для гаданий и заклинаний. Тацит в своей «Германии» писал, что германцы придавали особое значение гаданью-жеребьевке: разбросав на куске ткани палочки с вырезанными на них знаками и прочитав молитву, жрец брал наугад три палочки и гадал, читая знаки на них. Эти знаки, считавшиеся магическими, были буквами рунического письма, алфавитом первого связного письма у древних германцев [18].

Руны использовались преимущественно в магических, культовых целях. Знание рун было профессиональной тайной жрецов и передавалось из поколения в поколение [20].

Следовательно, древнеанглийское существительное lagu, которое обозначало «воду, море» и «название рунической буквы», было связано с культом и являлось значимым понятием для древних германцев.

Это еще раз дает возможность показать, что данное существительное носит одушевленную семантику, так как, согласно исследованиям А. В. Десницкой, те существительные, которые были связаны с областью культа и ритуально-религиозной сферой, относились к одушевленному классу имен [4].

Интерес представляет и другое древнегерманское существительное wudu (widu, wiodu), в современном английском языке имеет форму wood, которая, как и древнеанглийское wudu, используется для обозначения «леса», «дерева». [17].

Родственными древнеанглийскому существительному wudu являются среднеанглийское wode; древневерхненемецкое witu; исландское víðr, датское и шведское ved; средневерхненемецкое wite. В. В. Скит отмечает, что первоначальная форма существительного была wīdu.

В древнеанглийском языке существительное wudu относилось к склонению на -и, принадлежало мужскому роду и обозначало «лес», «дерево» [17].

Для того чтобы объяснить отнесенность данного слова к существительным, обладающим одушевленной семантикой, рассмотрим экстралингвистические данные, чтобы понять, какую роль выполняли дерево и лес в древности.

Лес занимал важнейшее место в жизни древних людей. С одной стороны, его боялись, так как он

представлял для древних реальную опасность, с другой стороны, лес давал человеку пищу, одежду. Следы и пережитки суеверно-боязливости отношения к лесу сохранились в верованиях и фольклоре народов. Это – «дикие люди» германоязычных народов [18].

Дерево в представлении древних играло очень важную роль и считалось вместилищем душ или духов (добрых, злых) [18].

Дерево для древних германцев являлось священным. Например, Вселенную древние германцы представляли себе как некое исполинское дерево-ясень, на ярусах которого расположены владения богов и людей. В самой середине обитают люди и все, что их непосредственно окружает и доступно их восприятию. Главные боги – асы – обитают на самом верху, в самом же низу помещается мир духов тьмы и зла – ад. Вокруг мира людей были миры разных сил: на юге – мир огня, на севере – мир холода и туманов, на востоке – мир великанов, на западе – мир ванов [20].

Древнее германское придание гласит, что языческие боги германцев Один, Генер и Лодер встретили однажды на своем пути два дерева – ясень и вяз. Один дал этим деревьям – дыхание, Генер – душу, а Лодр – румянец и теплоту. Так появились первые люди – предки всего человечества. Поэтому у древних германцев почитался ясень.

Мифы и сказания свидетельствуют о значимости деревьев в жизни древних германцев, а именно о вере в то, что дерево обладает душой и является живым.

При рождении ребенка древние германцы сажали дерево, а также считали, что мужчина происходит от ясеня, а женщина – от ольхи. Культ деревьев и анимистические верования в души или духов деревьев также имели место у древних германцев [21].

На этом основании древнеанглийское существительное *wudu* «дерево, лес» можно считать обладателем активной семантики.

Все приведенные данные свидетельствуют о том, что дерево для древних германцев является живым.

Следовательно, отнесение древнегерманских существительных *lagu* «море, вода, жидкость», *wudu* «лес, дерево» к основам на консонанты¹, т. е. к одушевленному классу, можно в значительной степени объяснить на основе материалов, связанных с культурой и мировосприятием, раскрывающих жизнь древних германцев.

Как отмечалось выше, одушевленные имена существительные составляли первоначально большинство слов в согласных склонениях², если не принимать во внимание более поздние образования и заимствования и если учесть, что в класс активных переходили имена по признаку приобретаемой ими социальной значимости [7].

Согласно классификации Г. А. Климова, в языках активного строя, существительные, обозначающие реалии, тесно связанные с человеком, являются одушевленными. В древнегерманских языках к данной группе можно отнести существительные, обозначающие социально значимые вещи в жизни древних германцев. Это готское *haiŕus* «меч, сабля», др.-англ. существительное *heogu* м. р. Родственное им др.-исл. *hǫgr*³. У существительных с основами на -и, как и в других консонантных склонениях⁴, имеется немного слов, обозначающих оружие. Это обстоятельство, по всей вероятности, объясняется тем, что у древних германцев было мало железа. Об этом можно заключить по характеру их наступательного оружия [21]. Вот так Плутарх описывает кимров-воинов: «У каждого из них был дротик, с раздвоенным наконечником; в рукопашном бою они пользовались большими и тяжелыми мечами» [22]. Из описания Плутархом германских воинов видно, что они обходились незначительным количеством оружия, бывшего у них в большом почете. То малое количество оружия, которое было у древних германцев, обычно помещалось вместе с воинами в их могилы: мечи, охотничьи остроги, дротики и луки со стрелами [23], а также другие вещи, являющиеся личной принадлежностью данного воина [24].

После смерти короля гуннов Атиллы произошла великая битва за власть, в которой принимали участие и германцы. Из описания Иорданом этого сражения видно, каким оружием пользовались древние германцы, а именно то, что оно не отличалось большим разнообразием. В упомянутой битве «...можно было видеть и гота, сражающегося копьями, и гепида, безумствующего мечом, и руга, переламывающего дротики в его (гепида) ране, и свава, отважно действующего дубинкой» [25].

Кроме меча жизненно важной вещью для воина был щит. И хотя германцы не отличались роскошью оружия, «...щиты они расцвечивали изысканнейшими красками» [21]. У готов щит обозначался словом *skildus*, которое относилось к и-основам м. р., так же как и др.-исл. *skjǫldr*. Др.-англ. суще-

¹ К консонантным основам относят -и основы [10, 12, 19].

² Поэтому можно предположить, что согласные основы представляют собой остатки наиболее древнего склонения.

³ С этим же значением склонялось уже по основам на -ва.

⁴ К консонантным основам мы относим также и-основы, поскольку в них слились 2 типа индоевропейских основ – на гласный и согласный [Бенвенист 1955: 80-82].

ствительное *scield* (*scild*, *sceld*, *scyld*) «щит», ранее относящееся к *u*-основам, перешло в *a*-основы [15].

В дальнейшем же оружие, особенно заимствованное у других народов, стало, возможно, восприниматься древними германцами как обычные предметы, уже не имеющие отношения к определенному лицу, поскольку оружие часто покупалось, а не было изготовлено самими германцами [23]. Возможно, с этим связана утрата словами, обозначающими оружие, консонантных формантов.

К основам на *-u* (в нашей трактовке – к консонантным основам) относится готское существительное мужского рода *daufus* «смерть». Первоначально к этим же основам относилось др.-англ. *dēaf* «смерть», которое позже перешло в *a*-основы [15]. Др.-исл. существительное *daude* (*daudi*) «смерть» стало склоняться по *an*-основам. В др.-исл. имеется сильный глагол 6 класса этого же корня *deuja* «умирать» из **daujan* [26, 27]. Родственные прилагательные от этого же корня – готское *daufs*, др.-исл. *daudr*, др.-англ. *dēad*, др.-фриз. *dād*, др.-сакс. *dōd*, двн. *tōt* «мертвый». О. А. Осипова в своих работах очень подробно описывает этимологию готского существительного *daufus* «смерть». Так, например, она отмечает, что С. Файст предположительно возводит вышеперечисленные древнегерманские образования к перфектным причастиям со значением «задушенный, задавленный» [28]. Готскому существительному *daufus* соответствовал слабый глагол от этого же корня – *daufjan* «умирать», который, по всей вероятности, первоначально употреблялся с каузативным значением, то есть мог обозначать «(что-то) заставляет быть мертвым, умертвляет». По всем признакам глагол *daufjan* вторичного происхождения, поскольку ему соответствует сильный глагол 5 класса *diwan* «умирать». От основы претерита этого глагола, видимо, и был образован слабый глагол с каузативным значением [27]. На связь этого корня с сильным глаголом указывает А. Преображенский, откуда и выводит др.-исл. форму *deuja* (и другие германские формы) с первоначальным каузативным значением, которая затем приобрела значение «умирать» [27]. В готском до некоторой степени сохранилось это разделение значений в зависимости от основ *diwan*, др.-исл. *deuja* «умирать», но с каузативным значением, что отразилось в глаголах с приставками *af-daufjan* «убивать» и *ga-daufjan* «приносить смерть, убивать» [29].

Таким образом, древнегерманские существительные со значением «смерть» могли относиться

к активному, одушевленному классу в силу того, что они имели одну и ту же основу с каузативным глаголом, то есть в их семантике была заложена активность, действенность. Употребление слабых глаголов с каузативным значением в готском языке, а также существительных с этой же огласовкой корня свидетельствует о том, что смерть древними германцами могла восприниматься близко к тем представлениям о смерти, которые свойственны многим народам, стоящим на низком культурном уровне. Смерть для них всегда является насильственной, т. е. убийством сознательным или преднамеренным, совершаемым кем-либо [30].

К тому же похоронные традиции древних германцев говорят о том, что смерть для них представлялась продолжением существования, только в ином мире. Для этой цели они хоронили вместе с мертвым его личные вещи. В тех случаях, когда тело подвергалось кремации, остатки (пепел) помещали в специальную урну вместе с оружием и вещами, принадлежащими покойному. Кроме личных вещей с воином обычно помещался его конь, а иногда (до принятия германцами христианства) убивали рабов, принадлежащих покойному, и хоронили их вместе с хозяином, чтобы они могли служить ему в дальнейшей жизни [19, 24].

Переход древнегерманских существительных с основой на *-u* в другие склонения связан, прежде всего, с разрушением склонений по основам и поглощением имен с основами на *-u* индуцирующими основами. Можно также констатировать, что переход в другие склонения часто зависит от потери связи с теми группами имен, которые раньше древними германцами соотносились с одушевленными денотантами, или же эти реалии не мыслились существующими независимо от человека. Не случайно, что именно такие существительные, как древнеанглийские *scield* «щит» и *dēaf* «смерть», перешли в *a*-основы. В *u*-основах дольше сохраняются имена, обозначающие одушевленные понятия, т. е. имена активного класса.

Таким образом, на основе проанализированных древнеанглийских существительных *lagu*, *wudu*, *scield* и готских *hairus*, *daufus* приходим к следующему выводу. На наиболее древнем этапе склонение древнегерманских существительных с основой на *-u* включало в себя имена одушевленные и выражало личную принадлежность, то есть в данное склонение входили одушевленные в понимании древних германцев существительные, а также понятия, характеризующиеся органической принадлежностью к личной сфере.

Сокращения

др.-англ.- древнеанглийский; др.-фриз. – древнефризский; др.-сакс. – древнесаксонский; двн. – древневерхненемецкий; др.-исл.- древнеисландский.

Список литературы

1. Десницкая А. В. Именные классификации и проблема индоевропейского склонения // Известия АН СССР. М., 1941. № 3. С. 49–55.
2. Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М.: Просвещение, 1953. 165 с.
3. Кобелев В. А. Формирование корневого склонения в древнегерманских языках в свете данных индоевропеистики: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2006. С. 11–12.
4. Десницкая А. В. Именные классификации и проблема индоевропейского склонения // Сравнительное языкознание и история языков. Л., 1984. С. 50–63.
5. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994. С. 8–34.
6. Протасова А. К. Вербализация концепта «огонь» в древнегерманских языках: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2004. С. 100–101.
7. Климов Г. А. Типология языков активного строя. М., 1977. С. 131, 152, 164.
8. Йоффе В. В. Происхождение и развитие категории рода в праиндоевропейском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-н/Д, 1973. 23 с.
9. Тронский И. М. Общеиндоевропейское языковое состояние. Л.: Наука, 1967а. 103 с.
10. Осипова О. А. Типология древнегерманских именных склонений в свете индоевропейских и уральских языков: монография. Томск: Изд-во ТГПУ, 2007. 312 с.
11. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.-Л.: Соцэкгониз, 1938. С. 345–346.
12. Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование. М., 1955. С. 29, 80–82.
13. Осипова О. А. Отражение категории одушевленности/неодушевленности в парадигме склонения в древнегерманских существительных: дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 1986. 146 с.
14. Осипова О. А. Функциональная вариативность древнегерманских консонантных основообразующих формантов // Языки мира: Проблемы языковой вариативности. М., 1990. С. 153–171.
15. Wright J., Wright E. M. Old English grammar. 3-d edition. London, 1925. С. 199–200.
16. Skeat W. W. A Concise Etymological Dictionary of the English Language. Oxford, 1958. 581 с.
17. Bosworth J., Toller T. N. An Anglo-Saxon Dictionary Based on the Manuscript Collections. Ed. and enlarg. by T. N. Toller. Oxford, 1954. 937 с.
18. Токарев С. А. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М, 1983. С. 130–134, 141–146, 155–156.
19. Ярцева В. Н. Языки мира: Проблемы языковой вариативности. М., 1990. С. 155–157.
20. Балашова М. Г. и др. Введение в германскую филологию. М., 1980. С. 14, 22–25.
21. Тацит Публий Корнелий. Германия // Древние германцы: сб. документов. М., 1937. С. 58.
22. Плутарх. Биография Гая Мария // Древние германцы: сб. документов. М., 1937. С. 137.
23. Diesner H.-J. The great migration / Transl. from the Germ. By C. S. Salt, B. A. Hons. Leipzig, 1978. С. 93, 144.
24. Owen F. The Germanic people: Their origin, expansion and culture. New Haven, 1966. С. 57, 178–179.
25. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Getica: Вступ. статья, перевод, коммент. Б. Ч. Скржинской. М.: Изд-во вост. лит., 1960. С. 118.
26. Стеблин-Каменский М. И. Древнеисландский язык. М., 1955. С. 109.
27. Осипова О. А. Отражение категории одушевленности/неодушевленности в склонении древнегерманских существительных: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1987. С. 158.
28. Feist S. Etymologisches Wörterbuch der Gotischen Sprache. Halle, 1920. С. 87.
29. Streitberg W. Die Gotische Bible. Heidelberg, 1910. С. 25–26.
30. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление: пер. с франц. / Под ред. В. К. Никольского и А. В. Кисина. М.: Атеист, 1930. XXVIII. С. 183–184.

Ващенко Ю.В., аспирант кафедры языков народов Сибири.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, г. Томск, Томская область, Россия, 634061.
E-mail: jobjul@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 18.05.2010.

Yu. V. Vaschenko

THE ROLE OF SOME OLD GERMANIC SUBSTANTIVES IN THE LIFE OF ANCIENT GERMANIC PEOPLE

The article considers the most ancient Germanic substantives of u-declension. It is shown that the analyzed words played a very important role in the life of ancient Germanic people.

Key words: *ancient Germanic people, old Germanic u-declension, the analysis of some substantives, lagu, wudu, sciold, hairus, dauþus.*

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Tomsk oblast, Russia, 634061.

E-mail: jobjul@yandex.ru